

- Billot M.-F. «Antisthène et le Cynosarges dans l'Athènes des Ve et IVe siècles», 69–116. Чтение этой статьи следует дополнить большой статьёй «Cynosarges» того же автора, напечатанной в приложении к *DPhA* II, 2, 1994, 917–996.
- Goulet-Cazé M.-O. «Les premiers Cyniques et la religion», 117–158.
- Gigante M. «Cinismo e Epicureismo», 159–224.
- Muckenstrum C. «Les Gymnosophistes étaient-ils des Cyniques modèles?», 225–239.
- Griffin M.-T. «Le mouvement cynique et les Romains: attraction et repulsion», 241–258.
- Moles J.-L. «Le cosmopolitisme cynique», 259–280.
- Downing F. G. «Cynics and early Christianity», 281–304.
- Jones Chr. P. «Cynisme et sagesse barbare: Le cas de Pérégrinus Proteus», 305–317.
- Billerbeck M. «Le cynisme idéalisé d'Épictète à Julien», 319–338.
- Bouffartigue J. «Le cynisme dans le cursus philosophique au IVe siècle. Le témoignage de l'Empereur Julien», 339–358.
- Follet S. «Les Cyniques dans la poésie épigrammatique à l'époque impériale», 359–380.
- Jouan F. «Le Diogène de Dion Chrysostome», 381–397.
- Hammerstaedt J. «Le cynisme littéraire à l'Époque impériale», 399–418.
- Dorival G. «L'image des Cyniques chez les Pères grecs», 419–443.
- Branham R. B. «Diogenes Rhetoric and the Invention of Cynicism», 445–473.
- Gutas D. «Sayings by Diogenes preserved in Arabic», 475–518.
- Niehues-Pröbsting H. «Die Kynismus-Rezeption der Moderne. Diogenes in der Aufklärung», 519–555.
- Hulin M. «Doctrines et comportements „cyniques“ dans certaines sectes hindoues, anciennes et contemporaines», 557–570.
- The Cynics. The Cynic Movement in Antiquity and its Legacy*, ed. by R. B. Branham and M.-O. Goulet-Cazé. Berkeley, Univ. of California Press, 1996. [Сборник важных статей.]
- См. также статьи «Antisthène», «Cratès» и «Diogène de Sinope» в *Dictionnaire des philosophes antiques* I, II.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПЛАТОН
Моника Канто-Спербер

Английский философ Алфред Норт Уайтхед однажды заметил: «Самая точная характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой множество заметок на полях произведений Платона». В наследии Платона содержатся все научные проблемы, которые и по сей день составляют дисциплину философию; здесь впервые был сформулирован комплекс проблем и постулатов, который философы последующих эпох принимали либо подвергали критическому рассмотрению.

Вот несколько примеров. Стремясь определить условия познания и истины, Платон показал, что эти условия тесно связаны с природой познаваемых объектов и с теми человеческими способностями, которые позволяют осуществить познание. Для себя он решил считать истинным только знание, полученное рациональным путем и имеющее умопостигаемый объект; чувственный мир может быть предметом лишь вероятного знания. Это положение принимали многочисленные сторонники различных доктрин врожденного знания и разнообразных рационалистических учений и отвергали приверженцы эмпиризма; но линия разрыва между учением о врожденном знании и эмпиризмом, проявившегося уже в Античности и проходящая через всю историю философии, намечена именно Платоном. С другой стороны, с учением о врожденном знании часто связывается положение онтологического характера, различающее два рода объектов: одни представляют собой подлинную реальность и определяют сущее как таковое; другие обладают лишь кажущейся реальностью. Собственно, эта концепция, известная под названием «дуализм», и была основным отправным пунктом для всей последующей философии. Наконец, нравственная философия Платона и его политическая философия содержат самую солидную аргументацию в пользу знания как критерия блага и справедливого деяния. Платон определил стиль философии как направленный на поиск истины и на разумное постижение. Он даже отчасти создал само понятие философского труда, осмысленного как труд посредника и толкователя; он способствовал отделению

философского дискурса от мифологического; он придал онтологическим положениям и нравственным правилам статус аксиом, истинность которых должна быть твердо установлена и всеми признана.

Поздняя Античность, византийская мысль, философия эпохи Возрождения, идеализм периода романтизма и даже современный метафизический реализм проникнуты влиянием платонизма. Конечно, распознать первоисточник — Платона — под оболочкой разнообразных форм платонизма не всегда просто, и порой безнадежно пытаться понять, что же общего имеют все эти навесные Платоном доктрины между собой, а также с платонизмом как таковым. Относительно произведений Платона часто отмечают, что они допускает самые разные интерпретации. Это поистине великое наследие, отличающееся огромным внутренним богатством. В особенности жанр диалога, виртуозно используемая Платоном драматическая форма повествования, провоцирует двойственное восприятие его мысли и иной раз затрудняет ее понимание. В результате одни философы считают возможным для себя опираться на Платона как на мистически и религиозно настроенного мыслителя, а другие — как на изощренного диалектика. Но это все же крайние случаи. Между этими двумя аспектами мышления Платона существует относительное согласие, основанное на положениях и доводах платоновских диалогов: с их помощью можно определить философскую позицию, центральные идеи, способы толкования высказываний, что в целом дает достаточно достоверную картину платоновской мысли, которая, конечно, порой не похожа на то, с чем мы сталкиваемся в платонизме и платонической традиции.

ЖИЗНЬ ФИЛОСОФА В БУРНУЮ ЭПОХУ

Платон родился в Афинах в 428/427 г. до Р. Х., в одном из самых знатных афинских семейств. По преданию, семья его отца, Аристокла, происходила от последнего афинского царя, а мать, Периктиона, была внучкой некоего Крития (быть может, персонажа *Тимея*), чьи предки вели свое происхождение от одного из родственников Солона. У родителей Платона было еще трое детей, его старшие братья Адимант и Главкон, с которыми мы можем встретиться в *Государстве*, и сестра Платона, в будущем мать Спевсиппа, наследовавшего Платону в

управлении Академией. Овдовев вскоре после рождения Платона, Периктиона вторично вышла замуж за человека по имени Пириламп, от которого у нее был один сын, Антифонт, покровитель из *Парменида*.

Когда родился Платон, Афины еще были самым могущественным демократическим государством, главной военной и морской державой, интеллектуальным и художественным центром греческого мира. После славной победы, одержанной над персами в начале V в., Афины стали главой союза, который обеспечивал безопасность греческих городов-государств. Но политика покровительства Афин по отношению к городам-союзникам начинала все больше походить на строительство афинской империи. Для славы и величия Афин мало что значили интересы союзников.

Незадолго до рождения Платона на пути афинской экспансии встала Спарта, город-государство с олигархическим правлением. Война между Афинами и Спартой, или «Пелопоннесская война», разразилась в 431 г. Речь шла не просто о конфликте Афинского союза со Спартой и ее союзниками, но о более или менее открытой гражданской войне между сторонниками олигархии и демократии внутри почти каждого города — участника союза. Сторонники демократии требовали поддержки демократических Афин и одобряли таким образом идею афинского господства, в то время как приверженцы олигархии, неожиданно оказавшиеся в роли защитников независимости городов-государств, искали покровительства Спарты.

Гражданская война в завуалированной форме в первые годы Пелопоннесской войны коснулась и Афин, хотя здесь демократическое государственное устройство, казалось, оставалось неизменным. Было бы ошибкой представлять его по образцу современных демократий, поскольку афинская демократия была прямой, в ней не было представительства интересов; граждане обладали законодательной и судебной властью и осуществляли действительный контроль над всеми официальными структурами. Ужесточение этого режима (иногда проводимое по воле некоторых аристократов, например Перикла) привело к более высокой степени равенства граждан; методами поддержания равенства были и распределение политических должностей по жребию, и сложное административно-земельное деление, призванное помешать росту авторитета могущественных семейств.

В последние десятилетия V в. влияние небольшой группы аристократов, поддерживавших демократию, идет на спад, и после смерти Перикла в 430 г. политическую власть захватывают беспринципные демагоги, добивавшиеся успеха в народных собраниях благодаря своему красноречию. Далее мы увидим, что пресловутая враждебность Платона по отношению к демократическому государственному устройству связана прежде всего с критическим отношением к этому новому правящему классу Афин, взлет которого пришелся как раз на молодые годы философа, а также с популизмом, отныне ставшим характерной чертой демократии. Обличительный пыл некоторых страниц *Горгия* (518 d–519 d) и *Государства* (VIII, 562 b–563 e) относится скорее к недавним переменам в Афинском государстве, нежели к демократическому строю как таковому.

За тридцать лет Пелопоннесской войны в умах афинян возникла и распространилась идея многообразия укладов жизни и обычаев; ведь для них раздвинулись границы вселенной. Кроме того, популярность конвенционалистских концепций (которые можно обнаружить у Демокрита и, прежде всего, у софистов) способствовала распространению идеи о том, что моральные и политические ценности зависят от договоренности между гражданами или от одобрения со стороны города и что критерии справедливости и блага действительны лишь постольку, поскольку их принимает то или иное политическое сообщество, а потому различны в разных городах-государствах. Наконец, относительная свобода слова, которой Афины были обязаны своей демократии, порождала первые критические размышления о природе и легитимности власти. Среди софистов обсуждался вопрос, какой закон справедлив — тот, что защищает интересы сильнейшего, или же тот, что отражает интересы большинства.

В молодые годы Платон, конечно, был в курсе этих дебатов, о чем свидетельствуют их многочисленные отголоски в его произведениях. Несомненно, что сам Платон занял философскую позицию, вследствие которой он довольно рано стал оспаривать конвенционалистские идеи и моральный релятивизм, столь популярные в пору его юности. Такой релятивизм не просто составлял часть интеллектуального течения, но был востребован в политическом обиходе, что проявлялось даже на уровне словоупотребления. Так, например, Фукидид повествует о том, как «изменилось даже привычное значение слов

в оценке человеческих действий. [...] Взаимные клятвы, даваемые для примирения, обе стороны признавали лишь средством для того, чтобы выиграть время в трудном положении...» (*История Пелопоннесской войны*, III, 82, 4–7)¹*. Четкое определение терминов и отделение морали от общего согласия и договоренности — вот два требования, многократно повторяемые в диалогах; они, несомненно, способствовали становлению философской позиции Платона.

В 404 г., после поражения Афин в морском сражении при Эгоспотамах, Пелопоннесская война окончилась. Платону в то время было 23 года. Городские стены были разрушены, морскому владычеству пришел конец. Вскоре в Афинах установился тиранический режим, так называемое правление Тридцати тиранов, в числе которых были дядя Платона по материнской линии Хармид и двоюродный брат матери Критий. Это правление было кровавым и деспотическим; сторонники демократии, не успевшие спастись бегством, были преданы смерти; царила атмосфера террора. В *Апологии Сократа* (32 с) Платон напоминает, как Сократ отказался участвовать в аресте демократа Леонта, афинского гражданина, бежавшего на Саламин. Правление Тридцати продлилось менее года, и с 403 г. был вновь установлен демократический строй. Вернувшиеся из изгнания сторонники демократии постарались прекратить гражданские распри между приверженцами тиранов и демократами; после того как были казнены наиболее одиозные личности, решено было объявить более или менее общую амнистию. Однако у многих сторонников демократии не утихла ненависть к тем, кто совсем недавно изгонял и обирали их.

Как пережил Платон эти события своей юности? С одной стороны, мы знаем, что он был аристократом и некоторые из Тридцати приходились ему родственниками. Однако надо отметить, что его отчим, второй муж матери Пириламп, был другом Перикла и, так же как Перикл, склонялся к демократии, причем его энтузиазм в отношении демократического государства в Афинах доходил до того, что своего сына он назвал Демосом (буквально: «народ»). Когда в *Горгии* Платон напоминает о том, как правившие Афинами отказались защи-

1. Пер. Г. А. Стратановского.

* Примечания к Части третьей написаны В. П. Гайдамака.

щать истинные интересы города и предпочли украшать его произведениями искусства и памятниками (519 a), этот упрек обращен прежде всего к политическим деятелям, происходящим из того же класса, что и он (прежде всего — к Периклу), к тем, кто посвятил себя защите демократии. Более того, некоторые члены аристократической партии, и в их числе Алкивиад, были заподозрены в том, что они повредили статуи Гермеса, посягнув таким образом на религиозные ценности Афин, и способствовали успеху враждебной партии. Противоречивая личность Алкивиада, любимца Сократа, много раз упомянутого в диалогах, героя Афин и предателя родины одновременно, — вот подлинное отражение смещения политических и нравственных ценностей, характерного для эпохи, в которую прошла юность Платона. Политика престижа, проводимая, в ущерб интересам города, аристократами, поставившими себя на службу демократии, интриги «золотой молодежи», кровавый и алчный тиранический режим, беспринципность демократов — все это весьма способствовало освобождению от иллюзий. Но именно раздоры и гражданская война укрепили Платона в убеждении, столь ясно выраженном в *Государстве*, что правильно устроенное государство является прежде всего *единым* (V, 462 a–b; *Законы*, 628 a–b).

Едва достигнув двадцати лет, Платон начал посещать кружок Сократа. Стремясь выполнить определенное для него свыше предназначение, Сократ посвятил жизнь беседам с афинянами и попыткам убедить их возвысить свои души. Упорство, с каким он «испытывал» образ жизни сограждан, а также вменяемая ему симпатия к олигархии привели к тому, что после восстановления в 403 г. демократии афиняне стали относиться к нему все более враждебно. В 399 г. Сократ предстал перед судом, по-видимому, состоявшим примерно из пятисот заседателей, избранных по жребию. Его обвинили в том, «будто он не признает богов, признаваемых государством, и вводит другие, новые божества и будто развращает молодежь» (Ксенофонт. *Апология Сократа*, 10)¹. Признанный виновным, Сократ был приговорен к тому, чтобы выпить настой цикуты. Платону было тогда двадцать восемь лет, и восемь наиболее важных из них он провел рядом с учителем. Судебному процессу, пребыванию в тюрьме, а затем и смерти Сократа он посвятил некото-

1. Пер. С. И. Соболевского.

рые из лучших своих диалогов: это *Апология Сократа*, *Критон*, *Федон*. В *Федоне*, описывая последние мгновения Сократа, Платон называет всех друзей, собравшихся вокруг приговоренного, а затем добавляет странную ремарку: «Платон... был нездоров» (59 b)¹. Для чего Платон подчеркивает свое отсутствие и болезнь? Чтобы соблюсти историческую точность, чтобы извинить свое неучастие в споре о бессмертии души или чтобы убрать образ художника с написанного им полотна? Возможно, мудрее с нашей стороны будет просто признать, что нередко логика Платона для нас непостижима.

Смерть Сократа, конечно, укрепила Платона в мысли о неискоренимости зла, заключенного в большинстве форм государственного правления, будь то олигархических или демократических. Во всяком случае, он определенно отказался от будущего, уготованного ему от рождения, — участия в политической жизни родного города. Отныне его жизнь в Афинах будет протекать вдали от политических бурь эпохи. Автор *Письма VII*, сам Платон или кто-то из его друзей, говорящих от его имени, высказывается так: «В конце концов относительно всех существующих теперь государств я решил, что они управляются плохо, ведь состояние их законодательства почти что неизлечимо и ему может помочь разве только какое-то удивительное стечение обстоятельств. И, восхваляя подлинную фи-

1. Перевод цитат из сочинений Платона дается по изданию: Платон. *Собрание сочинений в 4-х т.* М., 1990–1994.

«Апология Сократа» — перевод М. С. Соловьева.

«Критон» — перевод М. С. Соловьева.

«Протагор» — перевод Вл. С. Соловьева.

«Горгий» — перевод С. П. Маркиша.

«Менон» — перевод С. А. Ошерова.

«Кратил» — перевод Т. В. Васильевой.

«Федон» — перевод С. П. Маркиша.

«Пир» — перевод С. К. Апта.

«Федр» — перевод А. Н. Егунова.

«Теэтет» — перевод Т. В. Васильевой.

«Софист» — перевод С. А. Анашкина.

«Парменид» — перевод Н. Н. Томасова.

«Политик» — перевод С. Я. Шейнман-Топштейн.

«Законы» — перевод А. Н. Егунова.

Письма — перевод С. П. Кондратьева.

«Филеб» — перевод Н. В. Самсонова.

«Государство» — перевод А. П. Егунова.

«Тимей» — перевод С. С. Аверинцева.

Исключения оговариваются особо.

лософию, я был принужден сказать, что лишь через нее возможно постичь справедливость...» (326 а).

Последующие годы Платон посвящает этому новому, осознанному им призванию. Известно, что в 387 г. он вновь в Афинах, где и основывает Академию. Но чем были наполнены двенадцать лет, прошедшие со времени смерти Сократа? Мы этого не знаем. Биографическая традиция утверждает, что эти двенадцать лет Платон провел в путешествиях, во время которых он повстречался со всеми выдающимися мыслителями своего времени, что все эти годы он усердно занимался учебой и ознакомился со многими областями знания. Но нет и двух источников, согласующихся между собой относительно мест, где он побывал, очередности его путешествий и встреч с людьми, с которыми его сводили странствия; остается думать, что основной целью этих рассказов было подчеркнуть всеохватность философского образования Платона. Однако же значительная часть биографов признает, что Платон совершил путешествие в Великую Грецию (таково было общее название греческих колоний в Италии), где он встречался с пифагорейцами, в частности, с Архитом Тарентским — философом, математиком и политическим деятелем. Поскольку *Письма* Платона свидетельствуют о действительных связях между Платоном и Архитом (*Письма* IX и XII адресованы Архиту; в *Письме* VII, 338 с-d, 339 d, 350 a-b, упоминается о дружеских чувствах последнего и о его заступничестве за Платона), можно признать за этим биографическим рассказом высокую степень достоверности. Через Архита Платон, возможно, установил связь с элеатской традицией (в лице последователей Парменида, который сам был родом из Элеи) и с пифагорейцами. Вместе с тем маловероятно, чтобы, совершая это путешествие, Платон мог повстречаться с Филолаем, которого к тому времени почти наверняка уже не было в живых. Сообщенная же Диогеном Лаэртским (VIII, 84) история о том, что Платон приобрел тайные произведения Пифагора и Филолая, — просто небывлица, исходящая, по всей вероятности, от неопифагорейцев, которые, желая представить платонизм полностью зависимым от их собственного учения, старались показать, что во всех своих воззрениях Платон вдохновлялся Пифагором, или же от поздних платоников, стремившихся подкрепить учение Платона авторитетом Пифагора. Естественно, что достоверность рассказа в высшей степени сомнительна.

«...Я впервые прибыл в Сиракузы, будучи примерно сорока лет от роду» (*Письмо* VII, 324 а). Сицилийский период, который так сильно повлиял на Платона в его зрелые годы, начался, по-видимому, в 388 г. Возможно, Платон получил приглашение ко двору сиракузского тирана Дионисия Старшего, или Дионисия I, самого могущественного правителя в греческом мире той поры. Подобное приглашение могло объясняться желанием облагородить присутствием выдающегося философа свою репутацию тирана. Вероятно, по прибытии Платон попытался убедить Дионисия установить в Сиракузах философскую форму государственного правления; судя по всему, ему это не удалось, но он снискал прочную привязанность Диона, бывшего одновременно двоюродным братом и зятем тирана. Первое путешествие Платона в Сицилию продлилось всего несколько месяцев, и нам неизвестна истинная причина, по которой он был оттуда выслан. До нас дошла крайне сомнительная история о том, что Платон, плывший на спартанском корабле, был якобы вынужден сойти на Эгине, в то время воевавшей с Афинами. Будучи захвачен в плен и продан в рабство, он был выкуплен философом, близким к школе киренаиков, Анникеридом.

Платон побывал в Сицилии еще дважды, весной 366 г., когда ему было шестьдесят лет, и пятью годами позже, после смерти (в 361 г.) Дионисия Старшего. Дион убедил своего друга-философа, что нового царя, Дионисия II, едва достигшего тридцати лет, вполне можно наставить на путь царственного философа из *Государства*. Действительно ли Платон поверил, что владения тирана Сиракуз можно превратить в государство философов? Автор *Письма* VII так описывает его состояние духа: «Пока я это обдумывал про себя и колебался, нужно ли мне послушаться Диона и ехать или надо поступить как-то иначе, я наконец склонился к тому, что нужно, если только я хочу видеть осуществленными свои мысли о законах и государственном строе. Именно сейчас надо сделать такую попытку; убедив одного, я вполне мог бы выполнить все свои добрые намерения» (328 b-c). Дионисий II, жаждавший новых познаний и философии, поначалу оказал Платону завидный прием, но при этом вовсе не собирался ни усваивать аскетический образ жизни, как рекомендовал Платон, ни следовать его философским поучениям. Второе пребывание Платона в Сиракузах закончилось после изгнания Диона; уезжая, философ, однако,

обещал Дионисию II вернуться, Дионисий же пообещал вернуть Диона. Во время третьего, и последнего, пребывания в Сицилии (в 361–360 гг.), на которое Платон согласился в обмен на обещание Дионисия II вернуть Диона, он тщетно пытался отстаивать интересы своего друга, чье имущество было конфисковано. Вскоре Платон был лишен свободы передвижения и спасся только благодаря Архиту (*Письмо VII*, 350 a–b). На пути домой он повстречался с Дионом в августе 360 г., по случаю проведения Олимпийских игр. Он отказался присоединиться к походу на Сицилию, который Дион готовил для свержения Дионисия, но, видимо, признал законность его притязаний. Поход Диона увенчался успехом, но три с половиной года спустя, в 354 г., Дион, ставший, в свою очередь, ненавистным для всех, был убит Каллиппом, одним из его близких друзей, который также посещал платоновский кружок. Итак, сицилийские перипетии в жизни Платона продолжались добрых сорок лет. Все эти события, как некогда страшные годы, предшествовавшие смерти Сократа, могли только усугубить его пессимистическое отношение к политике.

Возможно, часть своих диалогов Платон написал уже после первого своего возвращения из Сицилии. Это определенно так в отношении диалогов, в которых он защищает память Сократа, — *Апология Сократа*, *Критон*, *Евтифрон*, — а также диалогов, содержащих детальную критику деятельности выдающихся софистов и риториков — современников Сократа: *Протагор*, *Гиппий меньший* и *Горгий*. Согласно преданию, приведенному у Диогена Лаэртского (III, 35), Сократ, послушав, как Платон читает диалог *Лисид*, якобы воскликнул: «Клянусь Гераклом, сколько небылиц приписал мне этот юноша!» В этом, несомненно позднем, рассказе выражается скорее упрек в извращении мысли Сократа, который адресовали Платону соперники; вряд ли он имеет в своей основе высказывание исторического Сократа.

Именно после возвращения в Афины Платон становится во главе первой в истории философской школы. Академия была устроена, вероятно, на средства Платона, в имении, носящем имя героя Академа. Имение, посаженное деревьями и орошаемое источниками, было расположено на северо-западе Афин, на Элевсинской дороге, недалеко от Кефиса и Колона. Посреди парка возвышался гимнасий, которому дали имя покровителя этой местности. Позднее Платон купил прилегающий

участок земли, чтобы селить там обучающихся в школе. Академия располагалась на этом месте до правления Суллы, т. е. до I в. до Р. Х. Затем она была перенесена за городские границы, в так называемый гимнасий Птолемея (Цицерон. *De finibus* V, 1). В школе существовал определенный внутренний распорядок; имелся бюджет, учитывавший приходы и расходы. Здесь были и учебные залы, и *Музейон*, или помещение, отведенное для Муз, и библиотека. Школу посещали тщательно отобранные ученики, которым давалось образование, охватывавшее многие области философского знания. Здесь получили образование такие философы, как Спевсипп и Ксенократ, Филипп Опунтский, издатель *Законов* и, вероятно, автор *Послезакония*, Гераклид Понтийский, Гермодор из Сиракуз, Кориск; такие ученые, как математик Евдокс Книдский и астроном Каллипп. В Академии учились и будущие государственные деятели — в частности, Аристоним из Аркадии и Формион из Элеи. Но славнейшим учеником Академии оказался Аристотель, проведенный там двадцать лет. Некоторые из бывших учеников школы впоследствии там преподавали.

Успех Академии, которым она была обязана главным образом своей программе, был очень велик, так что она стала соперничать со школой риторики логографа — т. е. составителя и редактора речей — Исократ. Предназначена Академия была для того, чтобы на основе науки и философии готовить молодых людей к справедливому управлению государством. Примерами для подражания избирались Пифагор, Парменид (ставший законодателем Элеи) и Протагор (к которому жители Фурий обратились, чтобы он дал им законы). По преданию, отраженному в *Письме VI*, бывшие ученики Академии привели в соответствие с платоновскими идеями государственное устройство трех городов: Гермий — Атарнея (восточнее Пергамма, на морском побережье), Кориск — Асса (к северу от Лесбоса) и Эраст — Скепсиса (в Троаде). Перед смертью Платон, видимо, назначил своего племянника Спевсиппа преемником на посту главы Академии. Было ли это назначение результатом соблюдения избирательных процедур, принятых в Академии, или же личным решением Платона, попросту отдавшего Спевсиппу предпочтение перед другими учениками, в числе которых был и Аристотель?

Платон умер в 347 г., около восьмидесяти лет от роду. Целый мир находился в то время на грани исчезновения. Всю вто-

рую половину жизни Платон присутствовал при агонии афинской державы. В 338 г., менее чем через десять лет после смерти Платона, по итогам битвы при Херонее греческие города потеряли независимость и вошли в состав империи Филиппа, отца Александра Великого. Присоединение к македонским владениям означало, можно сказать, конец афинской демократии. Побывав в юности свидетелем серьезнейшего кризиса греческого мира, Платон в зрелые и преклонные годы мог наблюдать, как насилие и алчность разрушали государственное устройство, критике которого отведено так много места в его нравственной философии и политическом учении. История этого государственного устройства закончилась всего через десять лет после его смерти.

ПЛАТОНОВСКИЕ ДИАЛОГИ

Платон, наряду с Эпиктетом и Плотинем, — один из трех греческих философов, чье наследие дошло до наших дней почти целиком. В случае Платона оно даже слишком велико, ибо из текстов, авторство которых приписывается Платону (42 диалога, 13 писем и одно собрание определений), далеко не все на самом деле принадлежат его перу. Практически все исследователи исключают из Платоновского корпуса группу так называемых «апокрифических» диалогов (*Эриксий*, *Аксиох*, *Демодок*, *Сизиф*, *Алкиона*, *О справедливости*, *О Добродетели*) и *Определения* — это плагиаты или сочинения, явно относящиеся к более позднему времени, нередко состоящие из частей, позаимствованных из собственно платоновских диалогов. Исключаются и «сомнительные» диалоги (*Гиппарх*, *Соперники*, *Алкивиад II*, *Минос*, *Феаг*, *Клитофон* и *Послезаконие*), которые, судя по стилю и вполне платоновским темам, могли быть написаны кем-то, связанным с Академией. Но и по поводу многих других диалогов, таких, как *Гиппий больший*, *Алкивиад*, а также *Писем* не утихают ожесточенные споры.

В наши дни общепризнано, что подлинные платоновские диалоги распределяются на несколько больших групп. Различают молодые годы философа, с 399 по 390, — период, когда были созданы *Гиппий меньший*, *Ион*, *Лахет*, *Хармид*, *Протагор*, *Евтифрон*, *Гиппий больший* и, без сомнения, *Апология Сократа* и *Критон*. Эти диалоги написаны или до смерти Сократа, или немногим позднее. Традиционно называемые «сократически-

ми», все они содержат в себе метод критического исследования, с помощью которого развенчиваются ложные истины, но подлинные определения рассматриваемых в них нравственных понятий (рассудительность, или *sōphrosynē*, в *Хармиде*, дружба в *Лисиде*, мужество в *Лахете*) даются не всегда.

Другая группа диалогов относится к переходному периоду, между 390 и 385 гг. Речь идет о *Горгии*, *Меноне*, *Евтидеме*, *Менексене*, *Кратиле*. Все эти диалоги написаны приблизительно в период создания Академии. В них еще заметно влияние мысли Сократа, но уже становятся очевидны и темы, характерные собственно для мысли Платона, такие, как познание путем припоминания, и нечто новое — особое значение, придаваемое математическим познаниям в *Меноне*.

Диалоги периода зрелости — это наиболее выдающиеся произведения Платона, написанные, очевидно, между 385 и 370 гг.; в них выражена сама суть его учения. Среди них — *Федон*, в котором еще играет яркую роль личность Сократа, поскольку диалог передает последнюю беседу философа с учениками, но уже представлена платоновская концепция души и ее бессмертия; *Пир*, посвященный любви; *Государство*, в котором детально анализируются реформа государственного устройства и основы политического благосостояния; *Федр*, где критика риторики связана с теорией о душе.

Завершает корпус сочинений Платона группа диалогов, созданных им в преклонном возрасте, между 370 и 348 гг. В этих диалогах, как часто отмечается, больше специальной философской терминологии, чем во всех предыдущих. Это *Тезет*, *Парменид*, *Софист*, *Политик*, *Тимей*, *Критий*, *Филеб* и *Законы* и, конечно же, *Письмо VII*. *Тезет*, посвященный определению познания, включает в себя критику концепций Гераклита и Протагора. В *Софисте* и *Пармениде* трактуются вопросы онтологии и эпистемологии; здесь содержится также напряженная полемика с философией элеатов. В *Филебе*, где Сократ вновь оказывается в числе действующих лиц первого плана, Платон излагает свою концепцию благой жизни. *Тимей* и *Критий* образуют единое целое и содержат физику Платона, а в *Законах* дано самое полное изложение задуманной Платоном политической системы.

Все платоновские диалоги представляют собой своего рода философскую «драму». Происхождение данной литературной формы до сих пор неясно. Аристотель, вероятно, приписыва-

ет изобретение жанра прозаического подражания реальному диалогу некоему Алексамену из Смирны или из Теоса¹ и сопоставляет такой способ выражения с мимами Софрона и Ксенаρχа (*Поэтика*, I, 1447 b; *Риторика* III, 16, 1417 a). Быть может, Платон уже использовал эту форму в своем литературном творчестве другого рода. Согласно довольно сомнительной древней традиции, оно состояло в написании трагедий; это те произведения, которые он будто бы уничтожил после встречи с Сократом. Возможно, что платоновский диалог с его единством замысла и постепенным развитием действия отличается от того литературного жанра, который Аристотель назовет *logos sokraticos*, или сократическим сочинением. Такие сочинения писали другие члены сократовского кружка — Антисфен, Аристипп, Эсхин, Евклид и Федон; от их произведений до нас дошли лишь незначительные фрагменты. Особенно важно, что платоновский диалог не сводится, как это будет у Беркли, Локка или Дидро, к искусственному приему, оживляющему изложение заранее известных тезисов. Сказанного достаточно, чтобы констатировать: платоновский диалог является формой философского произведения, не копирующей какую-либо готовую модель и не получившей дальнейшего развития.

В каждом из своих диалогов Платон воспроизводит некое расследование, подчиненное поиску истины. Чаще всего диалог развивается весьма прихотливым путем, на котором неизбежны задержки, возвраты и отступления, с которого порой может сбить ирония; и здесь, прежде всего, надо не жалеть времени на разыскание истины. Это драматическое действие, в котором принимают участие многочисленные персонажи, сосредоточено на рассмотрении какой-либо проблемы, причем можно или постепенно решить ее, или сойтись во мнении, что пока еще найти решение нельзя: такую ситуацию Платон называет «апорией». Однако диалог нужен не только для разрешения какого-то философского вопроса, но и для того, чтобы прояснить определенную установку. С этой точки зрения он имеет значение как протренинг (буквально: средство обратиться к чему-либо) и образец философского мышления. Платоновский диалог, как правило, посвящен частному предмету (какой-нибудь добродетели — благочестию в *Евтифроне*, справедливости в *Государстве*; какой-либо дисциплине — риторике

1. См.: Диоген Лаэртский III, 48.

ке в *Горгии*; некоему состоянию души — любви в *Пире* или удовольствию в *Филебе*), природа которого подвергается исследованию. Обсуждение часто возглавляет Сократ: он задает вопросы и критикует предложенные ответы, показывая себя знатоком того искусства беседы, которое Платон называет *диалектикой*. В *Софисте* и *Политике* Сократ уступает место таинственному Чужеземцу из Элеи, а в *Законах* — Афинянину. Но нельзя воспринимать эти диалоги как воспроизведение реальных событий и бесед или дел и поступков Сократа (в этом отношении куда более заслуживают доверия, скажем, посвященные Сократу диалоги Ксенофонта: *Воспоминания*, *Пир*, *Апология Сократа*). Некоторые присутствующие в платоновских диалогах анахронизмы, тщательность, с какой сведены воедино части повествования (достаточно перечислить вступления к *Пире* или *Пармениду*), стиль, полностью соответствующий задаче представить образцы, — все это говорит о том, что диалоги были плодами очень тонкой литературной работы, продуманной порой до мельчайших деталей.

Наконец, коротко расскажем, как дошли до нас труды Платона. Известно, что его произведения многократно «издавались» еще в древности. Конечно, речь идет не об «издании» в том смысле, какой это слово приобрело после изобретения книгопечатания в XV в. Античные ученые заботились прежде всего о том, чтобы составить совершенно точный исходный экземпляр произведения (Платон, видимо, сам выверял списки, создававшиеся в Академии) и установить порядок его частей, чтобы получившийся целый текст можно было переписывать и распространять, полностью или по частям. Благодаря сильной традиции платонизма, сохранявшейся в Византии на протяжении всего Средневековья, наследие Платона дошло до нас в куда более полном виде, чем это могло бы быть. Долговечность платонизма в Византии обусловила также рукописную традицию, вследствие которой мы обеспечены надежными платоновскими текстами.

Два древнейших из дошедших до нас списков диалогов Платона, датированные концом IX в. и восходящие к созданному неоплатониками в VI в. образцу, свидетельствуют о настоящем литературном возрождении, начинателем которого был патриарх Фотий, позаботившийся о тщательной переписке древних манускриптов и сверке копий. Самый старый манускрипт (конца IX в.), и самый прекрасный, хранится в Национальной

библиотеке в Париже (он называется *Parisinus*, 1807; в критическом аппарате изданий платоновских текстов обозначается буквой А). Но в нем содержится только вторая часть Платоновского корпуса (в том числе *Тимей*, *Государство* и *Законы*); впрочем, в нашем распоряжении все же есть превосходная копия, созданная двумя веками позже и хранящаяся в Библиотеке Св. Марка в Венеции (*Marcianus*, обозначаемый литерой Г). Второй манускрипт IX в., достаточно полный, находится ныне в библиотеке Оксфордского университета (*Bodleianus*, 39, обозначаемый литерой В, называемый также *Clarkianus*). Есть еще около 20 манускриптов, более или менее полных и более или менее поздних, и папирусы, датируемые от III в. до Р. Х до III в. н. э.

Творчество Платона цитировалось и комментировалось на протяжении всей Античности. Цицерон перевел *Протагора* и *Тимей* (сохранилось только несколько фрагментов этих переводов) и создал адаптированный вариант *Государства* (см. *De republica* VI). Плутарх, писатель I–II вв. н. э., пропагандировал эклектическую версию платонизма (*О сотворении души согласно «Тимею», Платоновские вопросы*), как и врач-философ Гален (II–III вв.), автор книги *О мнениях Гиппократов и Платона* и комментария на медицинские пассажи в *Тимее*, от которого практически ничего не сохранилось.

До нашего времени дошло мало древних комментариев к текстам Платона. Если анонимный комментарий на *Тезет* относится ко II в. н. э., то комментарии Прокла, Гермия и Олимпиодора — более поздние (V–VI вв.). Западное Средневековье, судя по всему, было знакомо с платоновской мыслью лишь по комментарию к диалогу *Тимей*, написанному неким Калкидием (или Халкидием): его неполный текст дошел до нас в латинской версии, сопровождаемой латинским переводом части греческого текста диалога. Происхождение этого комментария на *Тимей* остается неясным. Калкидий, неоплатоник IV в., возможно, основывался на одном из сочинений Порфирия, который, в свою очередь, находился под сильным влиянием стоической интерпретации платоновского *Тимея*, представленной у Посидония. Почему мыслители западного Средневековья знали только диалог *Тимей*, посвященный устройству физического мира, в то время как вся византийская цивилизация была пронизана влиянием платонизма — это для нас загадка. Только латинский перевод Марсилио Фичино в 1483–

1484 гг. впервые явил западному миру творчество Платона в целом. Первое издание греческого текста Платона вышло в свет лишь тридцать лет спустя в Венеции, у Альда Мануция. Еще через несколько десятилетий, в 1578 г., греческий текст в сопровождении латинского перевода Жана де Серра (*Serranus*) будет издан практически в эталонном виде гуманистом Анри Этьенном. Расположение греческого текста в издании Этьенна (в две колонки, разделенные с помощью индексов a, b, c, d, e) лежит в основе принятой вплоть до наших дней системы ссылок на сочинения Платона. Во всех современных изданиях текстов указывается номер колонки и ее раздела.

АКАДЕМИЯ И УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ПЛАТОНА

В последние годы большой интерес проявляется к интеллектуальной жизни Академии и, в частности, к применявшемуся в ней методу преподавания. Когда Платон организовал свою философскую школу, он уже был автором немалого количества философских произведений. Но основной их корпус был все же создан в годы, когда он руководил Академией, во второй половине его жизни. Нам мало что известно о философском образовании, которое давала Академия, и потому велико искушение предположить, что постановка вопросов в диалогах и манера их обсуждать были частью учебного процесса. Возможно, что значительная роль в Академии отводилась спорам наподобие тех, какие вел Сократ, или оживленным совместным обсуждениям, в которых участвовали и учитель и ученик, о чем мы можем составить яркое представление благодаря последним страницам *Федра* (275 с сл.). Согласно рекомендациям диалогов, эти обсуждения должны были характеризоваться свободой поиска, непринужденностью и вниманием к любому предмету обсуждения, каким бы тривиальным он ни казался, если только он дает материал для диалектического анализа (*Политик*, 266 d). Несомненно, обучающиеся в Академии пользовались также какими-то текстами, но это были скорее конспекты и наброски, призванные способствовать правильному ходу размышления, возможно, образцы постановки философских вопросов, созданные для более широкой публики; но едва ли это были учебники, собрания мнений или образцов изложения, столь ценимые мастерами ритори-

ки. С другой стороны, весьма возможно, что в Академии имело место и преподавание некоего учения в форме пространного доклада.

Факт устного преподавания Платона можно считать исторически подтвержденным, в частности, благодаря свидетельству Аристотеля, который в *Физике* IV, 209 b сообщает об *aggarha dogmata*, или неписаных учениях Платона (упоминаемых так, что в них можно узнать учение *Тимея*), а также благодаря так называемой «косвенной традиции», состоящей в основном из свидетельств комментаторов Аристотеля и членов Древней Академии. Согласно свидетельству Аристотеля (*Метафизика* A, 6, 987 b 10 и книги M и N), Платон полагал, что идеи, или формы-числа, происходят от двух начал, поистине первых, — единого и неопределенной двойцы, которые представляют собой начала сущих. Вследствие такой субординации категорий Платон должен был различать сущие сами по себе, соответствующие формам, и относительно сущие, соответствующие чувственно воспринимаемым вещам (Александр Афродисийский. *Комментарий к Метафизике Аристотеля*, ed. M. Hayduck, Berlin, 1895 = *О благе*, фр. 2, Ross; Теофраст. *Метафизика* III, 6 а 15). Объекты математики, как арифметики, так и геометрии, находятся между чувственно воспринимаемым и умопостижимым. Завершив этот анализ действительного бытия, Платон должен был пойти в другом направлении: исходя из чисел, получившихся от единицы и неопределенной двойцы, он показал, как устроен мир чувственно воспринимаемый. Впрочем, надо заметить, что за исключением двух пассажей, где упомянут собственно Платон, Аристотель приписывает эти представления «платоникам». Таким образом, остается открытым вопрос, относится ли сообщение Аристотеля к мыслям самого Платона, есть ли в нем намек на споры, которые кипели в стенах Академии, или же Аристотель просто воспроизводит позицию какого-то влиятельного члена Академии, например Ксенократа.

То, что платоновская философия преподавалась устно, естественно вытекает из факта, что мир, в котором жил Платон, еще не был миром письменной культуры. Несмотря на красоту и даже совершенство античных текстов, мы не должны забывать, что письменное творчество было тесно связано с устной традицией. Книги в Античности читались вслух рабом, автором или самим читателем (Диоген Лаэртский III, 35–37), и мы знаем, как удивился Августин, когда увидел, что Амвросий чи-

тает одними глазами. Можно себе представить, насколько были развиты у древних авторов способности к запоминанию и размышлению: так, Сократ из *Пира* целые часы проводит в безмолвных размышлениях; Плотин, если верить его ученику Порфирию, свои сочинения целиком хранил «в готовом виде в своей душе», прежде чем их записать (*Жизнь Плотина* 8, 10).

Итак, можно заключить, что преподавание в Академии велось устно; но это совсем не означает, что оно решительно отличалось от того, что сообщается в диалогах, или же было более фундаментальным. Просто нужно хорошо понимать различие двух точек зрения: согласно первой, устное преподавание и диалоги существовали параллельно; согласно второй, устное, не зафиксированное письменно учение единственно и содержало в себе все главное в философии Платона, а диалоги были только введением в нее. Свести изучение диалогов к выискиванию намеков на произнесенные, но не записанные истины — это значит попросту лишить себя всего интеллектуального потенциала, заключенного в одном из самых замечательных корпусов философских сочинений, имеющих в нашем распоряжении. Это значит отрицать всю силу аргументации, действенность письменного слова, заботу о ясности метода, которые придают такую живость платоновской мысли. И, главное, непонятно, почему мы должны принижать идеи, высказанные в диалогах, ради интерпретации, принятой в аристотелевской традиции и, вполне возможно, искаженной. Зачем отказываться от платонизма диалогов ради платонизма свидетельств, нередко очень поздних по отношению к эпохе, в которую жил и писал сам Платон? Зачем в трактовке платоновской мысли доверяться фрагментарным сообщениям учеников, содержащим воспоминания о высказанных устно положениях, а не диалогам, написанным непосредственно учителем?

СОКРАТ И ПЛАТОН

Для историка философии, стремящегося восстановить ранние стадии развития платоновской мысли, особенно сложным представляется вопрос о том, как отделить взгляды Платона от воззрений Сократа. Никто не отрицает, что мысль Сократа оказала сильнейшее воздействие на философию Платона. Но когда требуется определить, в чем, собственно, состояло это влияние, как долго оно сохраняло силу, до какой степени до-

ходило и в какой мере оно проявляется в принадлежащих перу Платона диалогах, — мы оказываемся вовлеченными в одну из важнейших дискуссий в истории изучения платоновской мысли. В разное время выдвигались самые радикальные точки зрения по этому вопросу. Некоторые комментаторы придерживаются мнения о принципиальном различии между сократовской мыслью и трудами Платона — будто бы в диалогах Платона нельзя обнаружить ничего, что свидетельствовало бы о влиянии Сократа или могло бы быть приписано последнему. Иные доходят в этой крайности до того, что утверждают, будто Платон решительно отбросил сократовское наследие, как только начал писать. Такова, в частности, позиция Карла Поппера. Но существует и диаметрально противоположная точка зрения, разделяемая, к примеру, шотландскими философами Джоном Бернетом и Алфредом Эдвардом Тейлором. Они полагают, что не следует искать различий между Платоном и Сократом, так как основные положения платонизма заимствованы из учения пифагорейцев через посредство философии Сократа. Другими словами, получается, что сам Сократ, взяв понятие идей у пифагорейцев, включил в него идеи метафизических и моральных реальностей; т. е. философская мысль Сократа целиком выражена в диалогах Платона и к тому же составляет их единственное содержание. Книга Джона Бернета все еще в ходу и в наши дни, именно с ее помощью многие поколения студентов приобщались к греческой философии («Ранняя греческая философия», опубликованная в 1892 г.¹, переведена на французский в 1970 г.). В данной книге представлена именно такая, довольно тенденциозная концепция античной философской мысли. К счастью, ожесточенные споры историков греческой философии о мере присутствия мысли Сократа в трудах Платона несколько утихли в последние десятилетия; особенно важно, что ныне ни одна из упомянутых выше радикальных концепций (согласно которым Платон всем обязан Сократу или, наоборот, ничем ему не обязан) не рассматривается всерьез. Приято считать, что платоновская мысль не тождественна сократовской, но признается и несомненное влияние Сократа на раннего Платона.

Когда и почему Платон освобождается от философского влияния своего учителя? Этим вопросом задавались не только

1. Burnet J. *Early Greek philosophy*. London and Edinburgh, 1892.

современные исследователи; он поставлен очень давно. Сам Платон ничего не говорит о том, скольким в своем учении он обязан Сократу, и первым, кто счел необходимым решить эту задачу, был Аристотель. В знаменитом пассаже из книги *А Метафизики* Аристотель подчеркивает, что «Сократ занимался вопросами нравственности, природу же в целом не исследовал, а в нравственном искал общее и первый обратил свою мысль на определения. Платон усвоил воззрение Сократа, но вследствие своего первоначального образования [Аристотель, вероятно, подразумевает влияние приверженца гераклитовского учения Кратила, который единственной реальностью считал непрерывное становление чувственного мира] полагал, что это общее должно существовать в чем-то отличном от чувственных вещей» (А, 6, 987 а 32—b5)¹. В другом пассаже, из книги *М Метафизики*, уточняется, что, по мнению Платона, «все единичное в мире чувственно воспринимаемого течет и у него нет ничего постоянного, а общее существует помимо него и есть нечто иное... Повод к этому дал Сократ своими определениями, но он, во всяком случае, общее не отделил от единичного» (9, 1086 а 37—b 5)². И, наконец: «две вещи можно по справедливости приписать Сократу — индуктивные рассуждения и общие определения: и то и другое касается начала знания» (4, 1078 b 17—32)³.

Внимательное чтение ранних диалогов Платона показывает, что представленные в них положения более или менее совпадают с теми, которые Аристотель приписывает Сократу. В этих первых диалогах постоянно используются термины, связанные с попытками найти общие определения и даже с поисками особой сущности того или иного явления или некоторого множества предметов; но в них нет никакого

1. Первая часть цитаты (до слова «Платон») дана в переводе А. В. Кубицкого по изданию: Аристотель. *Сочинения в 4-х т.*, т. 1. Далее цитата передается в соответствии с интерпретацией французского переводчика. Ср. эту часть цитаты в переводе А. В. Кубицкого в редакции 1934 г.: «...Платон, усвоив взгляд Сократа, по указанной причине {dia to toioyton} признал, что такие определения имеют своим предметом нечто другое, а не чувственные вещи». Слова «по указанной причине» А. В. Кубицкий относит к предыдущей фразе: «Смолodu сблизившись прежде всего с Кратилом и гераклитовскими учениями, согласно которым все чувственные вещи находятся в постоянном течении и знания об этих вещах не существует, он... и позже держался таких воззрений».

2. Пер. А. В. Кубицкого.

3. Взят за основу перевод А. В. Кубицкого.

упоминания о том, что эти сущности отделены от чувственно воспринимаемого. Это не единственная общая черта ранних диалогов Платона. В них также отсутствует тематика, которая станет преобладающей в более поздних диалогах. Отметим, например, отношение к математике как к образцовой науке; идею изначально присущего человеку знания, которое можно восстановить путем припоминания; обстоятельно разработанное учение о душе; строгое различие правильного мнения и знания; мысль о том, что познание добродетели доступно не всем. Разумеется, всегда рискованно строить заключение на основании отсутствия чего-либо, в данном случае отсутствия тем, последующее появление которых расценивается как расцвет платоновской мысли. Однако же ясно, что эти новые темы, так же как и положение об умопостигаемой реальности сущностей, постепенно возникают в творчестве Платона начиная с диалога *Менон*; поэтому, принимая во внимание и отсутствие достоверных данных о сократовской мысли, исследователи склонны считать, что первые диалоги Платона повторяют усвоенные им наставления Сократа.

Итак, поскольку определенности в наших познаниях об истинном содержании философии Сократа нет, разумно было бы попытаться найти компромиссное решение поставленной задачи, опираясь на свидетельство Аристотеля. «Сократовской» мы будем называть мысль, представленную в первых диалогах Платона, объединенных указанными выше характеристическими особенностями; не будем априори судить, идет ли речь об идеях исторического Сократа или о раннем этапе собственно платоновской мысли. Признать влияние Сократа на диалоги Платона — совсем не значит отрицать различие между двумя мыслителями. Творчество Платона — безусловно, один из лучших путей к познанию мысли Сократа, но не следует забывать и том, что литературный и философский гений автора диалогов, несомненно, несколько мешает полноценному восприятию собственно сократовского учения, которое оказало влияние и на другие вдохновленные им философские школы. Школы киников, киренаиков, стоиков, мегариков, скептиков свидетельствуют совсем об ином, отличном от платоновского, понимании наследия Сократа.

1. ПЕРВЫЙ ФИЛОСОФ ПОЗНАНИЯ

КРИТИКА ЛОЖНЫХ ЗНАНИЙ

Как познавать? Что познавать? Как можно быть уверенным в реальности своего знания? Определение условий познания — постоянная цель в произведениях Платона. С первых же диалогов мы видим, как Сократ постоянно вопрошает своих собеседников, чтобы убедиться в реальности их знания. В *Апологии Сократа* мы находим объяснение этому настойчивому интересу. Дельфийский оракул объявил Сократа мудрейшим из людей; вот почему, прекрасно сознавая собственное незнание — ибо он говорил, что ничего не знает, — Сократ желает постичь божественное слово, подвергая испытанию знания людей, притязующих на познания (21 с). Такому испытанию подвергаются государственные мужи, а вслед за ними поэты и ремесленники. Но все они в той или иной степени оказываются неспособными доказать истинность своих знаний. Подобное «скитание» в трудах (22 а), т. е. в постоянных испытаниях, о которых Сократ говорит в *Апологии*, есть в большинстве сократических диалогов, включающих поэтому немало довольно язвительных реплик, особенно когда выясняется, что человек преподает науку или действует во имя принципа, которым он не в состоянии дать определение. Вот два примера. Прорицатель Евтифрон из благочестия готов преследовать собственного отца, полагая, что тот виновен в убийстве; но, несмотря на ряд вопросов Сократа, ему так и не удается выразить, что же он считает благочестием: даваемые им определения «как бы не стоят на месте, но бродят вокруг да около» (*Евтифрон*, 15 в), противоречат одно другому. Юный Менон сперва важно изрекает множество неумеренных похвал добродетели, но вскоре признает, что попал в тупик и не знает, что сказать, в то время как Сократ, которого не удовлетворяют ответы на первые поставленные им вопросы, настойчиво продолжает вопрошать, что же все-таки есть добродетель (*Менон*, 80 а–б).

У такой критики ложных знаний — помимо желания оспорить неоправданные притязания — есть и собственно философская цель; уточним ее. Понимание собственного позна-